

Примаченко Я.Л.
**«ВОЙНЫ ПАМЯТИ»: УКРАИНСКИЕ КОНТЕКСТЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

В украинском общественно-политическом дискурсе события Второй мировой войны все еще остаются главным социокультурным маркером идентификации граждан. Такая ситуация является следствием пограничного характера украинского общества, которое в период Второй мировой войны претерпело коренные демографические и этнические трансформации, связанные как с нацистской политикой «окончательного решения», так и стремлением Сталина обезопасить СССР от иностранного ирредентизма путем создания этнически гомогенной полосы вдоль западных границ советского государства [9].

Украина, которая во многом оформилась в своих современных границах вследствие Второй мировой войны, выступала в разных ролях: жертвы сталинской и гитлеровской оккупации; страны сопротивления двум тоталитарным режимам; «коллаборантом»; страной-победительницей и соучредителем ООН. По мнению других, Украина второй раз проиграла борьбу за независимость и национальную государственность [1, с. 19]. Естественно, что такое противоречивое наследие создает поле для борьбы разных коллективных памятей о Второй мировой войне.

Отсутствие линейности в процессе становления исторической памяти в Украине порождает ряд противоречий, ярким примером чего являются дискуссии вокруг украинского национально-освободительного движения. Государственная политика памяти относительно ОУН и УПА варьировалась от осторожных шагов Л. Кучмы, который создал правительственную комиссию для изучения деятельности ОУН и УПА, к формированию двух радикальных вариантов. Первый нашел свое отображение в политике исторической реабилитации В. Ющенко, которая ознаменовалась попытками примирить ветеранов УПА и Великой Отечественной войны, а также присвоением званий «Герой Украины» лидерам националистов – Р. Шухевичу и С. Бандере [2, с. 365]. Второй – ревизией политики предшественников во время президентства В. Януковича, электорат которого придерживался советского нарратива Великой Отечественной войны.

На сегодняшний день в Украине существует не менее четырех взаимоисключающих нарративов Второй мировой войны: 1) российский, который опирается на концепцию Великой Отечественной войны и борьбу советских партизан с немецкими оккупантами и коллаборационистами; 2) польский с характерным акцентом на борьбе Армии Краевой против иностранных оккупантов и УПА; 3) западно-украинский нарратив героической борьбы УПА и ОУН против Советской Армии; 4) еврейский, который сосредоточен на организованном нацистами и их славянскими подручными Холокосте [11, с. 55].

Опыт войны для регионов Украины отличался настолько, что порой складывается впечатление, будто речь идет о совершенно разных событиях [6, с. 323]. Именно отсутствие общего опыта войны является мощным фактором поляризации украинской общественности. Эта ситуация обусловлена как состоянием украинского общества, где процесс деколонизации истории еще не завершен, так и тем влиянием которое оказала Вторая мировая война на формирование современного мирового порядка.

Процесс национализации памяти о Второй мировой войне, начатый после распада СССР, привел к формированию разного видения когда-то общей советской истории Великой Отечественной войны. Для России победа над нацизмом является «символическим капиталом» не только в исторических дискуссиях относительно репрессивного характера советской системы, но и в политическом противостоянии с прозападными элитами бывших советских республик [4, с. 103]. В российском историческом и общественном дискурсе активно эксплуатируется образ украинских националистов как коллаборантов и пособников нацистов [3; 10]. Сама же проблема ОУН-УПА занимает второе место среди наиболее щекотливых вопросов украинской истории, уступая лишь теме героев и антигероев нового украинского нарратива, где, кстати, одно из ведущих мест принадлежит личностям С. Бандеры и Р. Шухевича [5, с. 92].

Крах советской системы и процессы евроинтеграции привели к тому, что украинское националистическое движение, как и его аналоги в бывших прибалтийских республиках Советского Союза, стали эпицентром «войн памяти» в Центрально-Восточной Европе.

Тем не менее, переосмысление опыта Второй мировой войны является актуальным не только для постсоветских государств, но и для бывших стран Варшавского договора. Эти стремления нашли свое воплощение в Пражской декларации о европейском сознании и коммунизме (Prague Declaration on European Conscience and Communism), которая была подписана 3 июля 2008 г. по инициативе Чешского правительства известными европейскими политиками, историками и диссидентами. Декларация стала итогом работы одноименной международной конференции, которая прошла в Праге при поддержке замминистра по европейским вопросам и комитета Сената по вопросам науки, культуры, прав человека и петиций Республики Чехия. Авторы декларации призвали европейское сообщество признать нацистский и коммунистический тоталитарные режимы наибольшей трагедией XX века. В ней было предложено: признать преступления коммунистического режима, наравне с нацистским, преступлениями против человечности, выработать единый критерий отношения к жертвам обоих тоталитаризмов; сделать 23 августа – день подписания Пакта Молотова – Риббентропа – общеевропейским днем памяти жертв обоих тоталитарных режимов; включить в европейские учебники истории материал о преступлениях коммунизма с целью предостережения молодого поколения [8].

Подобные предложения были неоднозначно восприняты европейской научной общественностью, поскольку они противоречат западноевропейской концепции идентичности, которая базируется на Холокосте и культуре покаяния. Во-первых, жертвами советского режима стали народы Центрально-Восточной Европы, чьи национально-освободительные движения и местное население были причастны к Холокосту. Во-вторых, среди западных ученых популярны левые идеи, для них марксизм остается частью западноевропейской интеллектуальной традиции, а не идеологией, которая порождает политических монстров [7].

Для западных демократических обществ героический нарратив не имеет утилитарной – мобилизирующей – ценности, тогда как новосозданный героический нарратив ОУН и УПА носит партикулярный характер и вступают в противоречие с конкурирующими этническими и социальными группами, которые не могут автоматически принять новых героев титульных наций. Определенную роль имеют и региональные отличия культуры памяти [14]. Реализация современного национального проекта в постсоветских республиках происходит во времена, когда в мире доминируют тенденции иного порядка. Американский историк Т. Снайдер, характеризуя современное состояние исторической науки, отмечает: «Наше время – это эпоха памяти, а не истории ... культура памяти вытесняет важность истории, появляется опасность того, что историки будут поставлены перед фактом, когда будут вынуждены давать те объяснения, которые легче всего донести до людей» [13].

Отсутствие общего для украинцев опыта Второй мировой войны, непоследовательная политика памяти и сложные процессы деколонизации когда-то общей советской истории, как и неготовность западных историков к более глобальному переосмыслению коммунистического

прошлого стран Центрально-Восточной Европы формируют современный социокультурный контекст украинского историописания. Сложные дискурсивные реалии украинской историографии наслаиваются на более глобальный процесс интеграции истории стран ЦВЕ в западно-европейский исторический дискурс, что неминуемо приводит к конфронтации с уже устоявшимися практиками памяти и увековечения жертв Второй мировой войны, и прежде всего Холокоста. Особенно это актуально для территорий, которые американский историк Т. Снайдер определил как «кровавые земли» [12].

Литература

1. Гриневич, В. Війна за війну / В. Гриневич // Критика. – 2012 (XVI). – 6 червня (176). – С. 19–23.
2. Грицак, Я. Історія і пам'ять: амнезія, амбівалентність, активізація / Я. Грицак // Україна: процеси нацистського / [упор. А. Каппелер]; пер. з нім. – Київ: К.І.С., 2011. – С. 365–380.
3. Дюков, А. «Второстепенный враг: ООН, УПА и решение «еврейского вопроса» / А. Дюков. – Москва: REGNUM, 2008. – 152 с.
4. Журженко, Т. «Чужа війна» чи «спільна Перемога»? Націоналізація пам'яті про Другу світову війну на українсько-російському прикордонні / Т. Журженко // Україна Модерна. – 2011. – № 8. – С. 100–126.
5. Касьянов, Г. Україна в російському історичному дискурсі: проблеми дослідження та інтерпретації / Г. Касьянов, В. Смолій, О. Толочко. – К.: Інститут історії України, 2013. – 128 с.
6. Пентер, Т. Українці та «Велика вітчизняна війна» / Т. Пентер // Україна: процеси нацистського / [упор. А. Каппелер]; пер. з нім. – Київ: К.І.С., 2011. – С. 321–333.
7. Портнов, А. Этуод о «левой» утопии, или Сомнению подлежит [Електронний ресурс] / А. Портнов – Режим доступу: <http://urokiistorii.ru/blogs/andrei-portnov/51716>. – Дата доступу: 27.03.2013.
8. Празька декларація про європейське сумління та комунізм [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.praguedeclaration.eu/>. – Дата доступу: 03.07.2007.
9. Рібер, А. Громадянські війни в Радянському Союзі [Електронний ресурс] / А. Рібер. – Режим доступу: <http://www.historians.in.ua/index.php/doslidzhennya/369-alfred-riber-hromadianski-viiny-v-radianskomu-soiuzi>. – Дата доступу: 15.11.2012.
10. Фішбейн, М. Єврейська карта в російських спецопераціях проти України (Доповідь на 26-й конференції з української проблематики Іллінойський університет, Урбана-Шампейн, США. 24 – 27 червня 2009 року) [Електронний ресурс] / М. Фішбейн. – Режим доступу: <http://www.radiosvoboda.org/content/article/1774059.html>. – Дата доступу: 10.07.2009.
11. Kappeler, A. From an Ethnonational to a Multiethnic to a Transnational Ukrainian History / A. Kappeler // A Laboratory of Transnational History: Ukraine and recent Ukrainian Historiography / [ed. by G. Kasianov and Ph. Ther. – Budapest – New York: CEU PRESS, 2009. – P. 51–80.
12. Snyder, T. Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. – New-York, 2010. – 544 p.
13. Snyder, T. Commemorative causality [Electronic resource] / T. Snyder. – Mode of access: <http://www.eurozine.com/articles/2013-06-06-snyder-en.html>. – Date of access: 06.06.2013.
14. Zhyrzhenko, T. Heroes into victims: The Second World War in post-Soviet memory politics [Electronic resource] / T. Zhyrzhenko. – Mode of access: <http://www.eurozine.com/articles/2012-10-31-zhyrzhenko-en.html>. – Date of access: 31.10.2012.